

В конце прошлого года в зоне отчуждения начала работать Историко-этнографическая экспедиция Минчернобыля и Института народоведения Украины. Один из участников экспедиции — ученый и писатель Ю. А. ШИЛОВ — подготовил книгу, в которую вошел очерк о его первых воспоминаниях о Чернобыльской зоне.

Предлагаем этот очерк вниманию читателей газеты.

За окнами автобуса раскручивался обычный для Киевщины пейзаж: поля на распаханых участках степи сменялись основными лесопосадками, а местами — и остатками древних дубрав или же мелколесьем; тут и там пестрели разброды и села... Словом, тянулася издавна обжитая человеком земля.

В долине речки Уж картина сменялась. Можно бы здесь сказать: незаметно. — если бы не контрольно-пропускной пункт перед деревней Дитятки. Проверка документов и багажа, каждому из нашей экспедиции — по персональному пропуску с красной косой чертой, — и... И мы проезжаем полузрасную (за восемь лет), оставленную земледельцами деревню. Одну из тех 26, которые предстоит нам исследовать в Чернобыльской зоне отчуждения.

Здесь — как мы ощущаем по себе и видим на шкалах дозиметров — «прямо-таки санаторий». Об этом же говорит исходящий-изъездивший эти края и до, и после 26.04.1986 Даниил Кулиняк — бывший рыбинспектор, а ныне писатель и член нашей историко-культурологической экспедиции Института народоведения, финансируемой Минчернобылем («каковы сочетания, а!»). Гидрогеограф Попов и другие старожилы Зоны, с которыми мы вскоре знакомимся, говорят то же самое. Хотя и с заметным акцентом: «Бойтесь проглотить или вдохнуть пылинку с реактора!..»

Бойся не бойся, а это как раз и есть наша работа: лазить по седым от многолетней пыли домам, выскивать трагические забвеньем детали народного быта: дощени и улья, корыта и прялки, фотографии и письма, документы и книги... За это нам полагаются хорошая — по меркам академических убогих зарплата — компенсация. Которая, конечно же, не избавит от вполне возможных болезней (а вдруг пронесет?), но зато предоставит (только лишь в Зоне!) сопрячающиеся к волнующему пограничью тайн бытия.

Есть упоение в бою

У самой смерти на краю...

Символично-паразитично то, что самый-пресамый край — осмотр и фиксация состояния кладовки — достался единственной среди нас женщине, необычайно красивой и милой. Она — неофициальный командир и заботливая душа нашей мужской подоптанной вольницы... Татьяна Руда, — это имя достойно остаться в многовековой истории Зоны.

Время щелкает здесь подобно сонму дозиметров, включенных на разные диапазоны — милли-, микро-, рентген и т. д. Быт и работа размерены часами завтрака, обеда, ужина в оснащенной конвейером столовой-ангаре. 10-километровая подзона отделена от 30-километровой не только колючей проволокой, но и периодами распада преобладающих радиоактивных веществ: зараженность первой изотопами плутония и др. будет длиться веками, а «курортность» второй обусловлена разложившимися уже изотопами йода; впрочем, и там и здесь есть адымалли — «пятна» Людские селения и судьбы тоже очу-

тились в различных углах этого грандиозного заповедника Хроноса: есть деревни жилые, более или менее освоенные возвратившимися домой немногими самоселами; есть совершенно оставленные и разрушаемые потоком забвения; есть полустертые ураганами пожаров, выползавших из торфяников в знойных 80-х. К тому же, селения были поражены хоть и в одночасье, но в разных потоках неоднородного времени: одно дело Разъезжье с его железобетонным скелетом обширного животноводческого комплекса, другое дело Замопица с ее вросшим в землю старообрядческим скитом...

Первые дни — пока организовывался в Чернобыле наш быт и предстоящие выезды в села, пока мы ни раззнакомились и не исчерпали привезенных с собой ингредиентов застолья — часами тянулись дружеские разговоры, в которых выявлялись таланты общения, кладези житейско-профессионального опыта. Лидером поначалу (пока не окончились пилоты и не стало прихватывать сердце) определился Данило Иваныч — обнаруживший не только вышеотмеченное знание края, но и способность развеселить даже сумрачно настроенных субъектов вроде меня.

— А почему чернобыльцев сучкарами дразнили? — выдал кто-то свою полусведомленность в местных преданиях.

— О, то історія ще з дореволюційних часів!.. Кажуть, тодішній піп Іллінської церкви сучку на дзвіниці повісив.

— Та ну!..

— Ага. Під Великдень; за те, що оковалок масла з'їла... Міщани Чернобыля дуже ображались за отих «сучкарів». «Брехня то, — казали. — І не під Великдень, і не на хресті дзвіниці!.. І взагалі — ніхто нікого не вшав!»

Разговор переходит на слухи о стаях одичавших собак. В конце-концов сходимся на том, что экспедиция из-за них не сорвется, что их уже нет: то ли специально отстреляла милиция, то ли волки их растерзали. А волки до зимы нам не страшны...

Беседуем, в основном, по-українськи. Отчасти потому, что в учреждениях Киева (о Львове нечего и говорить!) это нынче признак хорошего тона, отчасти же из почтения к коренной Украине, пострадавшие села которой предстоит нам исследовать. А вот «старожилы» Зоны говорят почти поголовно по-русски: бразды управления были и, в основном, оставались в Москве; к тому же тут осело немало ликвидаторов (последствий аварии на Чернобыльской АЭС) из России. Почти все мы тоже иногда переходим на русский, и не только в общении с гостями и начальством из «местных». Но Данило Кулиняк — нико-гда! И это ему очень идет — к грузной фигуре, басистому голосу и глубокому знанию Киевщины. К тому же он — член Союза писателей Украины; мы просим его обнародовать ненаписанные еще «Записки рыбинспектора Зоны».

— Ні, тут талант Остапа Вишні потрібен!.. От ми зараз про вовків бала-

кали — а у мене пригода з кабанями була. Вислідити одного разу біля Ужа бракон'єра, і на машині — за ним! А він — у лісок. «Ну, — говоримо поміж собою, — повезло чоловікові, втік.» Аж гульк, вибігає назад. І прямо в машину: «Веріть штраф, забирайте сітку, — тільки пустіть всередину!..» Ну, думаємо, здох дідан Коли глядь, і перед лисом вже аж три кабани!.. Потім чутка така серед бракон'єрів пішла: Інспекція вепрів проти них дрескуює!.. А то ще про крокодилів-мутантів з відстойників; це іще до аварії. З міністерства навіть дзвонили, вимагали уточнень!.. А з сучкою ще пригода була...

— С той, которую на колокольне повесили? «У попа была собака...» — попытался перехватить инициативу беседе один из двух архивистов.

— Ні, це я зараз про сучку діда Пилипа. Сам він тоді не бракон'єрствував — уже сили не мав. Але без риби, ми знали, не сидіти ніколи. Як зробимо, бувало, облаву — то жодного сіткаря не спіймаєм, а Пилип майже у нас на очах рибу у себе на городі збирає...

— Що, запливала в город? Хата над водою стояла?

— Так ні ж, від води далеченько! Проте скраю села. І що ж бандит той придумав? — Хвоста собаці крутити!.. Як побачить: інспекція їде чи за саду біля дороги з річки лаштує, — так скоріш до собачої будки й давай хвоста своїй Жучці крутити. А вона, бідолаша, як зав'язав-зав'язав... от сіткарі й повтікають! Нескорю я це зрозумів. Але все ж таки вислідив. З риби отієї в городі почав. Бачу: йдуть рибаки з річки й мовчки на ходу — хто рибину, хто скільки дідові через паркан перекидують: дань, значить, платять!..

Когда отсмеялись, фотограф Миша спросил:

— А правда, что вы последний штраф в день аварии взяли?

— Ну, не вдень, а на зорьці, — тоді ще ніхто нічого не знав.

Помолчали. Затем архивист обронил:

— За мелочами следили, а крупное — жажнуло!

— Так з мелочей і пішло!.. Хоча, по правді, отой останній штраф не забуду ніколи...

Так в полудневных застоях — не без чарки, в Зоне запретной — и минули три первых дня. Они были хлопотны только для Ростислава Андреевича — руководителя экспедиции, обязанного беспокоиться о транспорте, спешаезде и проч.

Но вот, наконец, облаченные (по большей части, в эковские одеяния), снабженные дозиметрами и похожими на приснопамятные «пеналы» времен последней войны счетчиками накапливающегося облучения, — садимся в желтый автобус и направляемся к вожделенной Замопице.

Асфальт по мере удаления от столицы Зоны — Чернобыля — становится все тусклее и хрупче. У Разъезжого прямая дорога еще блестит полировкой шин, но уходящая влево развилка взморщена неоднократным дождем и пожаром. А чем дальше в леса, тем более скрадывают ее октябрьские (жовтневі, как верно звучит по-українськи) листья и прямо-таки буйные мхи, стирая грани-

задремавшая

цы между девственной и оплодотворенной уж было трудом человека земли. Теперь тут и впрямь «труд уходит в песок». Песчано-торфянистая пойма Ужа засасывает возделанную человеком землю обратно — в новые тысячелетия дремы. Наступление научно-технической, да и социальной революции лопнуло здесь со взрывом атомного реактора, повалилось в болота. Они уж покрыли поля луговым разнотравьем, а исконные — со времен приледниковой тундры и мамонтов — песчаные дюны начали уже сбрасывать с себя тумбы дыма-рей и иглы крестов. Заметно, что бывшие жители кое-где еще подновляют последние, обихоживают в дни редких поминовений. Но вымрет нынешнее поколение отселенцев, и...

Жилища, в отличие от могил, люди не подновляют — а разрушают, ускоряя естественную энтропию. Отселенцы пытались защитить свои гнезда замками да досками — но волны мародеров смели эти немощные плотинки поруганной энтропией и эсэсээром судьбы коренных земледельцев... поругавших тоже, и не так уж давно — всего лишь четверть тысячелетия тому — девственную дрему этой земли.

Наиболее явственно представил себе эту, извечную некогда, дрему на искаженной дюне у околицы старообрядческой Замошны. Приземистый холм метров на триста тянулся вдоль заросшего ручья болотистой поймы; природа укрыла его высокими травами, а восточный край — еще и рощицей древних

высоких дубов. Четыре-пять тысячелетий тому это место изредка навещали охотники, что засвидетельствовало находкой обломка горшка. Иные, многочисленнейшие обломки относятся уже к позапрошлому веку — когда раскольники-переселенцы поставили здесь свой избы и скит. Прямой холм и новосозданную деревеньку связали погостом — отвел его похожим на домишки надгробьям лучшее место, в дубраве. В другом конце дюны поставили рубленый скит: кирпичный монастырь строили, верно, уже не старообрядцы. Так они и сосуществовали на протяжении столетия, — до утверждения СССР с его атеизмом. Монахинь изгнали; церковь их запустела, а после аварии на АЭС была подожжена злодеями или перуном. Скит же — вросшая в землю все больше, а подновляясь все реже — пережил не только эти напасти (бережно храня и священные книги, и смертоносные квитанции «победившего социализма»), но даже несколько волн мародеров. Нашей — научной волне — удалось, помимо обломков свечей и креста среди мусора из спичечных коробков и газет, обнаружить тайник с полуистлевшими рукописными книгами.

Итак, первый же день экспедиции ознаменовался ценнейшими данными!.. Устраивая в автобусе ящики с рукописями, я старался не вылить и не вдыхать гнетворный их запах. При этом мне вспоминалось не столько предостережение выдавших виды черныбыль-

цев, сколько проверенное печальным опытом суеве-ри-е археологов: открываемые святыни прошлого забирают жизни причастных к нему...

Увы, есть за что забирать! Беда Чернобыля (и не только его) началась не со взрыва энергоблока АЭС, — а со времен закрытия синагог и церквей, скитов, монастырей. Тогда сбрасывали в общую яму трупы умерших от голода — а после (войны) построили над ними кафе, а теперь (уже после аварии) проложили по останкам траншеи. А послевоенная школа на месте еврейского кладбища, отмеченная притом статуей убитой фашистами комсомолки?.. Не затем ли Провидение, Бог ли взрывает реакторы — чтобы хоть так вот, хоть немного оживить наши окаменевшие души!?

Надеюсь, что нас — пронесет...

С этой надеждой прощаюсь с Вами, читатель, в конце первого дня наших исследований народной истории и культуры Чернобыльской зоны — пепелище которой уже и полуразграблено цивилизованным человеком, и полузасосано извечной природой.

— Мир вам, мир между вами! — заклиная из болот и лесов, от усыпляемых ими сел и погостов Отчизны. — Да будем люльми, да не отречемся от поруганной Родины!

Юрий ШИЛОВ,
кандидат исторических наук.

Замошны — Чернобыль,
29 октября 1994 г.

(Окончание следует).

Историко-культурная экспедиция Минчернобыля Украины работает в с. Замошны зоны отчуждения.

Фото Михаила ЗАГРЕБЫ.